

ЛУКАВАЯ ХИРУРГИЯ

*Рассказ из сборника малой прозы
Светланы Волновой «Великая любовь Оленьки Дьяковой»,
дающий старт серии «Петербург и его обитатели».
Книга выйдет в «Редакции Елены Шубиной» в июле 2024 года.*

—
СВЕТЛАНА ВОЛНОВА
Прозаин, переводчик, сценарист, член Союза писателей России. Живет и работает в Санкт-Петербурге. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, специализируется в области романогерманской филологии.

В канун Пасхи 1913 года студент последнего курса Императорской Военно-медицинской академии Митя Солодов выкупил себе личного покойника.

Покойник стоил ему два целковых. Еще полтинник Митя заплатил сторожу, чтобы тот открыл в час ночи двери анатомического театра при Академии и держал язык за зубами. И рубль запросил санитар Лавруша, который должен был подготовить тело, а после препарации убрать и вымыть стол. Деньги Митя одолжил у своего попечителя, барона Сашки Эльсена, картежника и бонвивана, иногда снабжавшего его рублем «на водку и дамские утехы». О задумке своей Митя, само собой, Сашке не поведал, потому как барон хоть и признавал современную медицину и поощрял учебу в Академии, но был человеком суеверным, а по части экспериментов с трупами так и вообще дремучим. В память о Митином отце, которого Сашка знал и любил, подопечному еще перепал золотой портсигар, который Митя намеревался продать и расплатиться с долгами, тянувшимися с Рождества.

В день, на который выпал сговор о тайной препарации, Митя проснулся засветло. Наскоро одевшись и глотнув кипятка с ложкой меда вместо чая, он вышел к Литейному мосту и долго стоял, глядя на черную спину воды. Митина любовь – огромная, болезненная, иссушившая его всего, выпотрошившая сердце до состояния мятой поломоной тря-

пицы, – закончилась полным разрывом и полным же опустошением души. Ее звали Елена, она была старше Мити на четыре года и уже успела стать дважды вдовой, впрочем, веселой, не особо убивающейся по кончинам своих благоверных. Митю она выкушала полностью и бросила ради модного поэта Чеснокова. В общем-то, обыкновенная история, о банальнейшем конце которой его предупредили все студенческие друзья.

Митя никак не мог понять, чем таким взял ее Чесноков: не богат особо, странной внешности, тощий и сутулый... По Елениному вкусу, раньше предпочитавшей офицерскую статью и совсем не разбирающейся в поэзии, – так вообще блаженный. А талантлив или нет – кто там разберет. И глаза у него – водянисто-голубые, почти прозрачные. У Мити с самого детства с голубоглазыми не ладилось: они несли либо лихую беду, либо немалые хлопоты. Он даже торговцев таких стороной обходил, хоть и не был мистиком. А Елена вот влюбилась в глаза Чеснокова – призналась потом Мите, что «тонет в них». Тонет!

Стоя у ограды на набережной Невы, Митя с горечью вспоминал ветреную Елену, но больше мучился осознанием того, что он, будущий врач, так преступно халатно отнесся к учебе последнего курса, пропуская самые важные практические занятия. Накануне ему несколько раз снились несущ-

ществующие пациенты, бледные, с кровоточащими пятнами на белых длинных рубашках. Они тянули к Мите тощие жилистые руки и упрекали в том, что он неправильно сделал секции. Митя просыпался в горячем поту, давясь собственным каркающим вскриком, и долго не мог прийти в себя. Совет, о которой любил поддемаггствовать Сашка, последние две недели клевала его темя, как птенец скорлупу, и Митя почувствовал облегчение, только когда принял решение натренировать руку самым естественным для медика образом – а именно на настоящем человеческом теле.

О Митином плане, помимо сторожа академички и санитары, знали еще двое: прохиндей Потапов, продавший труп из ночлежки на Лиговке, и другоднокурсник Жан – он же Ваня – Белкин. Во время «операции» Ване предстояла ответственная роль: задиктовывать нужное из учебника Пирогова, а сам Митя должен был «виртуозить за роялем», как любил шутить про анатомичку профессор Крупцев.

Услышав за спиной шаги, Митя обернулся. Рядом выросла фигура городского.

– Уж не надумали ли в воду кинуться, сударь?

Митя надвинул фуражку на самые брови, запахнул темно-зеленый форменный сюртук и направился прочь с набережной. До начала занятий в Академии оставалось два часа.

Профессор Крупцев всегда заканчивал лекции одной и той же фразой, с одинаковой баюкающей интонацией густого велюрового голоса, подавая каждое слово, как тягучую настойку в мелкой рюмочке: – Ну что, друзья мои, надежда мировой медицины, ступайте усваивать полученные знания, и да будет у вас хорошее пищеварение!

«Друзья его» и «надежда мировой медицины» на этот раз были студентами последнего курса Академии, без малого дипломированные хирурги. Близился конец весеннего семестра, до выпускных экзаменов оставалось совсем чуть-чуть.

Митя спустился с последнего ряда амфитеатра к кафедре, не смея поднять глаза на профессора. – Мо-ло-дой че-ло-век, – протянул Крупцев, вынимая из кармана пюсового жилета пенсне и сосредоточенно протирая его замшевым платочком. – Вы же, как мне объясняли коллеги, надежды определенные подаете. Только что-то на моей дисциплине все доподать не можете. А ведь вы, если не ошибаюсь, стипендиат? Как говаривали в былые годы, казеннокоштный? Так ведь, сударь мой?

Митя кивнул.

– Что же получается, Академия платит за вас, а вы, господин Солодов, прогуливать изволите?

Митя стоял, все еще не смея поднять глаза на профессора, и осторожно нащупывал большим пальцем правой ноги выступивший в старом ботинке гвоздь. В последний месяц он много пропустил, и в большинстве своем это были лекции Крупцева по патологической хирургии.

Пока профессор говорил, Митя невольно вспоминал свою едкую любовь, и ему виделось огромное, анатомически anomальное легкое, дырчатое, которое несет на флагштоке маленький карлик, а сквозь отверстия в нем сочится бледный дневной свет. И Митя закашлял, прижал ладонь к ребрам, со свистом втянул воздух. Именно так, когда физически не хватает кислорода, а внутри рыщет сиповатый ветер, он и ощущал себя сейчас.

– Курите небось? – Крупцев стрельнул в него острым взглядом через пенсне. – Напрасно. Какой из вас медик? Себе помочь и то не можете...

Митя закивал, как болванчик, а Крупцев снова затянул долгую неспешную речь, из смыслового потока которой Митя тут же выпал, утянутый собственными воспоминаниями, и вернулся в академический зал со своих облаков, только когда услышал: – ...и подготовим документы к отчислению.

– Петр Архипович... – Кровь ударила Мите в лицо. – Я... Я наворачстаю...

– Возможно, молодой человек. Но, стало быть, уже не на моем курсе.

Крупцев с силой захлопнул тисненую папку с записями лекции, и Митя вздрогнул, как от пистолетного выстрела.

Двери. Коридоры. Снова двери. И снова коридоры... Вон из здания, вон!..

Во дворе Академии Митя остановился. Чуть накрапывал апрельский дождь, такой же по-петербуржски безнадежный, как и осенний. Митя постоял, всасывая холодные капли, и направился в сторону анатомички. Сегодня были общие занятия, и ожидалось, что придут девушки с акушерских курсов, поэтому именно в анатомичке и можно было поймать Жана, у которого Митя хотел занять рубль.

Под огромной вывеской «Анатомический театр» на тяжелой, крашенной белой краской двери висело расписание предстоящих лекций, занятий и семинаров. Рядом, сродни театральным афишам, красовался листок с вензелями, приглашавший студентов и преподавателей посетить

«уникальнейшую хирургическую практику» профессора П. А. Крупцева, назначенную на вторник следующей недели. Чем она уникальна, пояснено не было. «Не иначе как труп оживит», – саркастически подумал Митя и взялся за дверную ручку.

Пройдя по длинному коридору и поднявшись по узкой лестнице, он остановился у филенчатой двери, белой, как все вокруг, – как халаты и стены, столы и шкафы, как все Митины годы в Академии. Сквозь стекло был виден спускающийся каскадом амфитеатр, до отказа заполненный студентами.

Осторожно приоткрыв дверь, Митя вошел в аудиторию – как раз в ту ее часть, которую студенты называли камчаткой. Это была верхняя галерея, огороженная от амфитеатра белой – конечно же, белой, – деревянной балюстрадой. Сюда обычно приходили вольнослушатели и курсисты младшего фельдшерского отделения, опекал которое как раз барон Сашка Эльсен.

Сегодня лекция собрала аншлаг: профессор Веденичев проводил показательную венопункцию на трупе. Митя прекрасно знал этот многострадальный кадавр, которому даже подарили имя: Иван Иванович. Препарировали Иваныча бесчисленное количество раз, и был он прорезан и заштопан, как деревенское лоскутное одеяло. Почему Академия сэкономила на учебных мертвецах, было Мите непонятно: и тюрьмы, и больницы для бедных, и ночлежки недостатка в не востребуемых покойниках не имели и не упускали шанса избежать трат на похороны, пусть и дешевые, да еще и заработать. – Вена запустевает, схлопывается, – звучал козлиный тенорок профессора Веденичева, – и что же мы получаем в сухом остатке?..

Митя посмотрел вниз, на макушки студентов, сидящих плотным полукругом в амфитеатре. Среди слушателей было немало «акушерочек». Зачем им нужен был семинар по венопункции в анатомичке, оставалось для Мити загадкой. Это же не первичные лекции по анатомии или знаменитые опыты на живых лягушках – децеребрация, когда тем отрезают головы, чтобы показать, как работают рефлексы, – «знаменитые», потому что это первое крещение для неопытных медичек, и на количество обмороков преподаватели подчас делали шуточные ставки. Такие опыты проводились не в анатомическом театре, а в аудитории, и можно было незаметно прошмыгнуть туда и вовремя подхватить сползающую на пол юную студенточку – привычное развлечение Белкина.

Жан сидел, погруженный в свои мысли, явно не слушая профессора. Митя нашел в кармане сюр-

тука старый картонный билет на конку, помял в ладонях, скатал нечто, отдаленно похожее на шарик, и, прицелившись, запустил в Белкина. Тот вздрогнул, завертел головой и, заметив Митю, несколько секунд ошарашенно пялился на него, будто видел впервые. Митя глазами показал на дверь. Белкин кивнул и, пригнувшись, начал пробираться к выходу.

– Одолжи рубль, Жаник, – положил ему руку на плечо Митя, когда они спустились по лестнице. – Лавруше обещал.

– Рубль? Санитару?! – возмутился Белкин. – Не жирно ли будет?

– За меньшее он ни в какую.

– Вот фуфлыга! – Ваня вынул из кармана целковый и протянул Мите.

Распахнулись входные двери в анатомичку, и во двор высыпала толпа. Белкин проводил скептическим взглядом будущих акушерок.

– Сегодня одни крокодилы...

Митя даже не посмотрел в их сторону.

– Не опоздай, ладно?

– А что бледный такой? Трусишь?

– Еще чего! – фыркнул Митя. – Крупцев грозитя отчислить.

– Это он может!

– В половине первого. Не забудь Пирогова. И атлас Грея.

Они молча кивнули друг другу и, не сговариваясь, пошли в противоположные стороны.

Митя стоял у портика одного из корпусов Академии, сливаясь с тенью от фонарного столба и вжавшись спиной в холодный ребристый камень стены. Воротник его форменной шинели был поднят, фуражка спущена на брови, зубы отбивали мелкую дробь.

Наконец из-за угла появился Белкин. Под мышкой у него торчали две толстенные книги.

– Ну что, дохтур Солодов? Готовы штопать своего Франкенштейна?

– Тсс! – зашипел Митя, с опаской оглядываясь по сторонам.

Белкин хмыкнул.

Они пошли к анатомичке. Сердце Мити колотилось с какой-то паровозной мощью, и ему казалось, что оно выскочит сейчас, вылетит, как пуля, отрикошетит от стены и застрянет в одной из толстых колонн у входа в корпус.

Митины опасения, что санитар Лавруша что-нибудь обязательно напутает, не подтвердились. Когда они вошли в «операционную», все было

готово: труп лежал на столе, по пояс накрытый белоснежной простыней, рядом на столике были разложены инструменты, на полу серебрились два таза. Лавруша осоловело глядел на него, прислонившись к косяку двери, ведущей в подсобку. Он уже успел изрядно выпить на рубль Белкина, и Жан пригрозил ему, что ежели тот по окончании операции будет не в состоянии убрать все как следует, то он лично выколотит из дуралея цельковый обратно.

Профессор Крупцев на первом курсе забавы ради предлагал студентам всмотреться в мертвеца – и попытаться определить, кем тот был при жизни, какого нрава, что любил и каким владел ремеслом. Митя взглянул на покойного. Это был мужичок лет сорока с копной рыжих с проседью волос, усыпанный веснушками на лице и плечах, со спутанной мочалкой кучерявой бороды и огромным зеленоватым фингалом под правым глазом. Кем он мог быть при жизни? Кучером? Дворником? Обходчиком путей на Николаевской железной дороге? А может, торговцем сеном или хомутами? Или – вором, разбойником? Или – ну, вдруг – божьим человеком, православным или мистиком, скопцом, хлыстом или духобором?

Митя осмотрел его руки. Широкие мозолистые пятерни, земля под ногтями, бордово-синюшные ссадины на костяшках пальцев – дрался небось. И веко приподнял: а вдруг глаза голубые, не к добру? Но, увидев чайно-карий кружок вокруг черного зрачка, с облегчением вздохнул.

– Хватит разглядывать его! Времени и так мало, – цыкнул Белкин.

Митя поправил на спине завязку тяжелого фартука и надел резиновые перчатки. Хотел было перекреститься, но под ироничным взглядом Жана, будто ожидавшего именно этого, не стал, лишь наскоро помял пальцы, разогревая их.

Белкин сел, развалившись, в первый ряд учебного «зрительного зала», раскрыл учебник Пирогова и начал декламировать заранее оговоренные параграфы.

Митя промокнул спиртом сложенную в несколько слоев марлю и протер покойнику шею – осторожно, как если бы это был живой человек, да не просто живой, а еще и в сознании, без морфина.

– Ты еще ремнями руки-ноги ему привяжи, вдруг дернется, – ухмыльнулся Белкин.

Митя на шутку не отреагировал. Нащупав пальцами правую сонную артерию, он коснулся наконец скальпеля серой кожи «пациента» и на секунду замер. Электрическая лампа, висящая над столом, мигала, отбрасывала мешающие тени,

которые при операции на живом человеке могли спровоцировать фатальную ошибку хирурга. Митя выдохнул и сделал надрез. Словно ожидая этого, как в заезженной пьеске, дождь за окнами ударил во все свои барабаны.

Минуты текли, казалось, с утроенной скоростью. На лбу выступили капли пота, ступни в худых ботинках одеревенели от холода.

При этом руки действовали – выверенно и быстро, пальцы сами знали, что делать, будто бы Митя всю жизнь был хирургом. И волнения – никакого: вся нервопляска куда-то испарилась, как только Митя взял скальпель в руки. Голова работала четко, как если бы там, у темени, сидел кто-то маленький и отдавал единственно верные команды. Наконец Митя изолировал артерию и перевязал ее.

– ...Правильный доступ – где меньше сосудов на пути, – монотонно читал Белкин.

Но Митя его даже не слушал, интуитивно понимая, что делать в следующую секунду. И в следующую. И секундой позже.

За окном громыхнуло: дождь определенно намерился выбить все стекла. Чихнуло пару раз и погасло электричество. Вмиг потонувшую во тьме комнату хирургически тонко прорезали длинные белые полосы – отсветы от молнии.

– Жаник, свечи! – не поворачивая головы, крикнул Митя.

Белкин чертыхнулся, встал и, натыкаясь на что-то, попавшееся на пути, подошел к стенному шкафу, где на нижней полке – аккуратно на такие случаи – стоял ящик со свечками. Спички лежали там же.

Накапав расплавленный воск и поставив пару дюжин зажженных свечей по периметру стола, Жан хмыкнул:

– Как на спиритическом сеансе. Будто воскрешать его собираемся.

– Света не хватает. – Митя наклонился над мертвецом, пытаясь разглядеть сделанный разрез.

Покойник выглядел зловеще. Черты лица его резко заострились, и от пляски свечных теней казалось, что веки дергаются, а впалые щеки чуть надуваются. Еще миг – и он откроет глаза и сглотнет: кадык тоже будто шевелился.

Белкин застыл, с ужасом всматриваясь в лицо мертвеца, и дрожющими пальцами перекрестился.

– Свет! – снова крикнул Митя.

Жан схватил пару толстых свечей, зажег и поднес к лицу трупа. Митя осторожно проверил тупой

стороной скальпеля разрезы на волокнах шейных мышц. Оставалось послонно зашить кожу. «Операция» шла гладко и в полнейшей тишине. Гроза постепенно утихала, только ослабевший дождь продолжал по-стариковски бубнить за окном.

Вдруг Митя выпрямился и завертел головой.

– Что?.. – шепотом на вдохе спросил Белкин.

Митя не ответил. Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, не отпускало с момента начала секции. Сейчас же чувство постороннего присутствия усилилось. Митя с детства называл его «глаза на спине», безошибочно угадывая, когда в толпе гимназистов или студентов кто-то пялился на него.

Глупости! Никого здесь нет! Пьяненький Лавруша кемарит в коридоре, ожидая, когда они закончат. А больше – ни души.

Или?.. Митя, затаив дыхание, всматривался в ряды стульев, темно-рыжие от свечного огня, в окна, в силуэты шкафов с препаратами, шурился, чувствуя, как струйка ледяного пота медленно ползет по позвоночнику к пояснице.

С треском, показавшимся оглушительно громким в ватной тишине, включилось электричество, и вновь загорелась операционная лампа над столом.

Митя выдохнул.

И тут же будто выдохнул еще и кто-то другой. Оцепеневший Белкин первым механически повернул голову в сторону бокового яруса, Митя тоже обернулся...

Фигура в темном пальто отделилась от стены. Человек оперся на спинку стоявшего впереди стула и кашлянул в кулак.

Живой человек.

– Так-так, молодые люди! Презабавное зрелище! – Профессор Крупцев спустился с амфитеатра и подошел к операционному столу.

Не снимая перчатки, он пошевелил стальными зажимами на шее «пациента», затем надел очки и минуту, показавшуюся Мите бесконечной, разглядывал свежую секцию.

– Ну допустим...

Крупцев снял очки, отошел от стола и сел на стул, на котором только что сидел Белкин. Оперевшись подбородком на костяной набалдашник своей трости, он изобразил на лице внимание.

– Петр Архипович... – начал было Митя, но Крупцев остановил его взмахом руки.

– Совершенно не важно, что вы сейчас скажете в свое оправдание, господин Солодов. Я хочу

услышать, *что* вы делаете. Надеюсь, вы же понимаете, *что* вы делаете?

Митя отложил скальпель, выпрямился и сбивчиво произнес:

– Выделение сонной артерии. Послойное прохождение. Раздвижение мышц шеи тупым методом. Находим ее... Надо изолировать, перевязать... Дальше послонно ушивается...

Он запнулся и замолчал.

– И что же вы остановились? Давайте, работайте, зашивайте! Или вы хотите, чтобы ваш кадавр вторично умер?

Митя опомнился, схватил приготовленную заранее иглу с кетгутовой нитью и аккуратно, слой за слоем, зашил покойнику кожу. Сделал он это быстро, но без суеты, а когда закончил, осторожно взглянул на профессора. Тот поднялся со стула и неспешно, как на променаде, подошел к столу, отбивая тростью какой-то ритм. Белкин заулыбался Крупцеву во все имеющиеся зубы, но тот даже не взглянул на него, будто они с Митей были в анатомичке вдвоем. Надев очки, профессор снова оглядел труп. Митино сердце стучало так громко, что, казалось, было слышно во всей анатомичке: это ли не самый настоящий экзамен, которого он не ждал и не желал? Митя вдруг понял, что ни капли не волновался во время секции, но вот именно сейчас готов умереть от страха перед Крупцевым.

Осмотрев «пациента», профессор подхватил трость и молча направился к выходу. Митя жадно ловил отзвуки его удаляющихся шагов. На пороге двери Крупцев обернулся и, помолчав секунд пять, вдруг резко выкрикнул:

– Почему без халата и марлевой повязки?!

Митя с Белкиным синхронно вздрогнули. Крупцев ткнул в воздух тростью, как шпагой:

– Игнорируете правила? Хотите сепсис, да? И морду ему всю закапали воском, эскулапы!

Дверь за профессором с грохотом захлопнулась, и Митя остался стоять, полностью опустошенный, с мокрой от холодного пота спиной.

Уже светало, когда Митя вернулся домой. В крохотной комнате, которую он снимал на последнем этаже доходного дома на Пантелеймоновской улице, было по-чердачному темно, холодно и до того неуютно в это начинающееся белесое утро, что Митя прилег на постель прямо в форменном сюртуке, поджал ноги и закрыл глаза.

Сон не шел. Вместо него в череп пробралась неубиваемая подлой памятью Елена, затрепыха-

лась там, как бабочка, и Митя, стянув край ху-
денького одеяла, накрылся им с головой. Ему
вспоминалось, как они прошлым летом сидели на
веранде ее дачи в Мартышкино, пили чай из пух-
лых чашек с красными птичками на боку, и он раз-
бил одну такую чашку из сервиза, а Елена захо-
тала, и было так невыносимо хорошо в тот день,
что иного счастья и выдумать сложно.

За окном проявились голоса ранних уличных
торговцев, спешащих к Литейному со снедью на
лотках, радикулитный скрип тележных колес,
цокот копыт и сонная ругань дворника. Митя по-
лежал еще немного, затем встал, согрел чайник
на коптящей керосинке, достал припасенный со
вчерашнего дня кусок постного пирога и раскрыл
толстый учебник по хирургии. Рисунок во вкла-
дыше, иллюстрирующий правильную диагностику
пациента с перитонитом, изображал в черно-бе-
лой графике руки доктора, делающего пальпацию.
Пальцы были тонки и, наверное, больше бы подо-
шли музыканту, нежели хирургу. Митя взглянул
на свои руки. От постоянного комнатного холода
этой зимы его пальцы были неприятно розовыми,
часто разбухали и нестерпимо чесались. Он засу-
нул ладони под мышки, чтобы согреть, и так си-
дел несколько минут, пока не пришла надобность
перевернуть страницу в учебнике.

В дверь постучали.

– Войдите, – хрипло отозвался Митя, с раздраже-
нием гадая, кого могло принести в такую рань.

Канареечно-желтый плюшевый полог, прибитый
гвоздями к изъеденному жучком дверному косяку,
колыхнулся, и в комнату вплыла хозяйка – крей-
серно-дородная мадам Филимонова. На ней была
застегнутая на все пуговицы по горло зеленая
бумазейная кофта, выглядывающая из-под муж-
ского тармаламового халата кирпичного цвета –
вероятно, доставшегося от покойного мужа. Вид
Филимоновой был грозен, а поджатые ниточкой
губы не сулили жильцу приятного разговора.

– Месье Солодов, предупреждаю вас: если к суббо-
те не будет оплаты, пожалуйста, голубчик, вон.

– Марья Варламовна... – начал было Митя, но Фи-
лимонова остановила его, выдвинув вперед мя-
систую пятерню.

– Никаких отговорок больше не принимаю! И так
уже отсрочку три раза давала! Страдаю от вас
всех, себе убыток несую. Слишком доброе у меня
сердце!

Она хлопнула себя по внушительной бумазей-
ной груди, показывая, где у нее находится доброе
сердце. Митя вскочил, принялся тараторить, что,

мол, она, Филимонова, – женщина огромной души,
и напоминает ему покойную матушку (то была
форменная ложь), и сердце-де у ней, не в при-
мер другим, действительно добрейшее, и да он
же моське ее давеча инъекции делал, а та его за
ногу укусила, но он рад продолжать, и в том же
духе... Но хозяйка была непреклонна.

– Я вам, месье Солодов, в последний раз говорю.
Не будет денег к субботе – выметайтесь вон.
Залог ваш – надеюсь, вы это понимаете, – оста-
нется невозвращенным.

Филимонова зыркнула на тарелку с крошками
от пирога, повернулась всем корпусом, понюха-
ла зачем-то плюшевую занавеску и удалилась, не
попрощавшись.

Митя с раздражением захлопнул за ней дверь,
которую она даже не прикрыла. Где взять еще
пять рублей, которые он задолжал хозяйке? Бел-
кин уехал к тетке в Каменку сразу после анато-
мички. Барон Сашка Эльсен? Ох, как не хотелось
Мите идти к барону! Он и так должен Эльсену де-
сять рублей. К тому же Сашка оплачивал его уче-
бу в Академии и подкидывал иногда на карманные
нужды, и Митя был настолько благодарен ему, что
клянчить денег лишний раз считал для себя со-
всем неприемлемым.

Он встал, походил по комнате взад-вперед,
разминая ноги. На глаза попался серебряный
чернильный прибор, доставшийся от покой-
ной бабки, – семейная ценность. Митя взял его
в руку, осмотрел, как осматривают больного со
всех сторон, вздохнул, завернул его в наволочку
и, взглянув на старые настенные ходики, начал
застегивать сюртук. Уже восемь. Ломбард на Мо-
ховой откроется через полчаса...

В этот момент в дверь снова постучали. «Чер-
това вдова», – подумал Митя, и ему захотелось
швырнуть чернильницей в дверь.

Но входить никто не спешил. Было слышно, как
за дверью непрошенный гость переминается с ноги
на ногу. Не хозяйка явно – та не церемонится.

– Войдите! – буркнул Митя.

Желтый полог колыхнулся, и в комнату вошел
Крупцев. От неожиданности Митя чуть было не вы-
ронил из рук чернильницу.

– Не ожидали, Дмитрий Валентинович?

Еще полминуты назад Митя мог бы поклясть-
ся, что профессор не знает его имени, ведь за
все студенческие годы он к нему если и обращал-
ся, то исключительно «господин Солодов». А тут
вдруг – по отчеству! Никак в личной карточке
посмотрел?

- Петр Архипович... – Митя в оторопи вытянулся, как постойкой, и шмыгнул носом. – Чем обязан?
- Вы позволите? – Крупцев показал глазами на единственный стул.

Митя кивнул. Профессор снял шляпу, поискал вешалку и, не найдя даже гвоздя на стене, прошел по скрипучему полу и сел на стул. Митя опомнился и, буквально вырвав шляпу и трость из рук гостя, положил их на низенький подоконник.

- Что у вас в наволочке, мой друг? Камень? Не собираетесь ли шарahnуть меня по голове?

Митя засмеялся бисерным смехом и сунул чернильницу под подушку.

Крупцев расстегнул верхнюю пуговицу дорогого английского пальто, но на предложение Мити снять его отказался. Как и от чая – к Митиному облегчению, потому что измученная заварка в чайнике, пользованная несколько дней кряду, цветом напоминала жиденькую мочу.

- Я вот, собственно, по какому делу, Дмитрий Валентинович... – Крупцев вдруг закашлял, и Митя кинулся к графину, налил полный стакан воды и протянул ему.

Профессор сделал жадный глоток, потом другой и осторожно поставил стакан на стоящую рядом этажерку, боясь расплескать воду. Было заметно, как дрожала его рука и как он искоса посмотрел на Митю: заметит ли.

«Время тянет... Верно, что-то страшное произошло!» – в ужасе подумал Митя, и в животе у него похолодело.

Но что же могло случиться? Если его отчисляют, то об этом стало бы известно от факультетского старосты, и представить, что сам профессор зайвится осчастливить нерадивого студента дурной вестью, просто смешно. Может быть, кто-то умер? Кто-то из профессуры? Или барон Сашка Эльсен?

Митя сам подивился абсурдности мыслей, лезущих в голову, – и тут его осенило.

- Петр Архипович? Что-то с моей preparацией? Скандал?
- Нет-нет. Хотя вы и нарушили все мыслимые правила и вас стоило бы тут же отчислить, если – уж простите за откровенность – не высечь розгами, как в старые добрые времена, но... Хотя вы правы. Отчасти дело касается того, что я видел сегодня ночью.
- Пациент недоволен? – улыбнулся Митя и, уловив ежистый взгляд профессора, тут же пожалел о своей неудачной шутке.
- Да нет. Наоборот. Ваш кадавр счастлив и велел кланяться. Я пришел к вам, Дмитрий Ва-

лентинович, как к коллеге. Нет, не будущему, а настоящему. Я видел вашу работу сегодня – и, признаюсь, восхищен.

Крупцев снова проткнул Митю взглядом насквозь и не спеша продолжил:

- Вы препарировали – как опытный хирург; и справились менее чем за полчаса. Я наблюдал за вами, когда вы меня не видели: вы работали отлично. И когда видели: вы работали превосходно, а я ведь понимаю, что мое присутствие в крайней степени должно было нервировать вас. Но вы, господин Солодов, учли все нюансы и, к моему приятному удивлению, не сделали ни одной ошибки... Да что вы стоите?! Заставляете меня смотреть на вас снизу вверх...

Митя плюхнулся на кровать и принялся было благодарить профессора, но тот волевым жестом остановил его:

- Я, как вы знаете, на комплименты скуп. Вы показали себя вполне созревшим хирургом – и я просто констатирую факт. Ваша благодарность здесь лишняя. Я пришел, повторяю, как к коллеге, и имею к вам очень деликатное дельце...

Крупцев остановился и вновь оглядел Митю.

- Но прежде чем я изложу вам суть, – продолжал он, – дайте слово, что ни одна живая душа об этом не узнает.
- Ни живая, ни мертвая! – подхватил Митя и от собственного голоса ощутил холодок на спине.
- Поклянитесь.
- Клянусь!

После мучительно долгой паузы Крупцев медленно выговорил:

- Моя публичная операция назначена на следующий вторник. Придут студенты, профессура, многие уважаемые хирурги... Будет, возможно, кто-то из попечителей. Академик Гальперин обещал быть. И фотограф «Хирургического вестника» напросился. Так некстати...
- Да! «Уникальнейшая хирургическая практика», – Митя вспомнил афишу на двери анатомички.
- Ну... Не такая уж уникальнейшая... Обычная. Скажем, учебно-показательная... Правда, новым методом, но ничего умопомрачительно сложного. И мне очень нужна ваша помощь, Дмитрий Валентинович.

Крупцев встал. Повернувшись лицом к окну, а к Мите спиной, он ровным голосом продолжил:

- Видите ли, господин Солодов, мои руки мне уже не помощники. Тремор, которым я страдаю,

к сожалению, неизлечим. Он не всегда заметен, но стоит только мне взять в руки хирургический инструмент – и он троекратно усиливается. Я даже не буду перечислять вам все способы, которыми я пытаюсь вернуть твердость рук. Увы! Мои пальцы удержат скальпель, но я не смогу сделать ровный надрез. Я не в силах отказаться от этого спектакля во вторник, он важен для меня и для моих планов, связанных с преподаванием в Лондоне. Моя статья о новом хирургическом методе выходит в следующем месяце в London Medical Journal. Вы должны понимать, как мне сейчас тяжело это произносить... Я не могу сам провести операцию. Я раскрою пациента на лоскуты и опозорюсь перед всем медицинским сообществом... Он замолчал, глядя в немытое оконное стекло.

– И... Как же... И что же... – Митя пытался подобрать правильные слова.

Крупцев резко обернулся:

– Операцию проведете вы, Дмитрий Валентинович. Митя сидел на кровати сутулой запятой, молча глядя на профессора.

– Это не так сложно, как вам кажется. Сегодня к полудню приходите ко мне на кафедру в Академию, я передам вам мои рукописные материалы. А в четыре часа жду вас в анатомичке. Ваш кадавр еще в деле, я договорился с Лаврушей, чтобы он тайно придержал бедолагу до вечера. Так что – потренируетесь при мне.

Митя слушал не шелохнувшись. Наконец Крупцев замолчал.

– Почему я? – тихо спросил Митя. – У вас же наверняка есть лучшие кандидаты, ваши ассистенты...

– О, по нескольким причинам, мой друг. Во-первых, вам надо умудриться не вылететь из Академии – а вы, поверьте, первый кандидат на отчисление. Во-вторых, вам нужны деньги. Ну, ну, вижу, что нужны. Не смотрите так на меня: любая работа должна оплачиваться. А это – работа. Я уже получил от двух медицинских изданий неплохой гонорар и с радостью поделюсь им с вами. И в-третьих, с учетом двух предыдущих пунктов, – вы будете держать язык за зубами. На кону не только моя репутация, но и вся ваша будущая карьера, Дмитрий Валентинович. Вы меня понимаете?

Митя хлопнул ресницами, открыл было рот, но так и не нашелся, что сказать.

– Повторяю, – профессор кашлянул в кулак, – о нашем маскараде никто не должен знать. Только

вы, я и моя ассистентка Цецилия. Она все подготавливает и поможет вам во время операции.

Крупцев взглянул на карманные часы и покачал головой:

– Мне пора. Да что вы, господин Солодов, белый такой, будто приговор услышали? Я вам, можно сказать, билет в счастливое будущее сейчас на блюдечке преподнес. Так вы согласны?

Митя молча кивнул.

– Ну и славно.

– А как же... Я ведь... Я не похож на вас совсем, Петр Архипович!

– Рост у нас одинаковый, – улыбнулся Крупцев. – Телогрею под халат наденете, чтобы сложением на меня походить. Маска марлевая лицо закроет по глаза и шапочка. Да! Очки вам дам. Слабые, увидите все, что нужно. Я сперва публике скажу что положено, объясню принцип иссечений, потом выйду в боковую комнату, а войдете в зал уже вы, прооперируете – и вернетесь назад, там мы с вами снова поменяемся. Крупцев направился к двери.

– Да! Чуть не забыл!

Он расстегнул пальто и, вынув несколько бумажных ассигнаций, положил их на этажерку.

– До скорого, господин Солодов. Жду вас в своем кабинете.

Он приподнял полог и исчез за дверью. Митя, словно проснувшись, бросился за ним на лестницу.

– Позвольте спросить... Вы не сказали, какая операция!

– Не сказал? – Крупцев поднял брови. – Гастростомия*, Дмитрий Валентинович, гастростомия.

Вечером того же дня Митя снова пришел в анатомичку. Профессор был неразговорчив, спросил лишь, прочитал ли он материалы по операции и все ли из них понял. О гастростомии Мите, как и прочим студентам, было известно не очень много, но он ранее читал монографию Снегирева. Белкин, побывавший на каникулах в Париже, рассказывал, что любопытства ради посещал там лекции в Académie de médecine, так французы на четвертом курсе уже тренировали руку, проделывая гастростомию на собаках, и зачеты им ставили исключительно по тому факту, выживут ли препарированные псы на третий день. В Петер-

* Операция на органах брюшной полости, выполняемая для создания искусственного входа в полость желудка через переднюю брюшную стенку с целью кормления пациента при невозможности приема пищи через рот.

бурге же многие медики скептически относились к вводу трубок в желудок, и даже некоторые академические умы считали, что все это глупости, лукавство и выживанию пациента никак не способствует. А впрочем, правда состояла в том, что гастростомию мало кто делал. Не умели.

Митя провел в анатомичке три с половиной часа, практикуясь на том же рыжем бородатом покойнике. Крупцев стоял рядом, подсказывая и направляя. Митя думал о том, что гораздо проще было бы профессору провести небольшую лекцию для публики, рассказать про новый метод, а потом пригласить кого-то из хирургов со стажем. «А сейчас доктор Зуйков наглядно продемонстрирует вам...» Ну не проще ли было бы, не честнее ли... Не убудет с профессора славы. Наоборот, такое ассистирование покажет всем, что метод опробован, что уже его применяют коллеги, а маэстро лишь передал опыт и по-отечески наблюдает за операцией со стороны. А то лукавая какая-то хирургия получается!

Словно отгадав его мысли, Крупцев вдруг сказал: – Есть причины не посвящать в планы коллег. Весомые причины, господин Солодов.

Митя ожидал, что Крупцев продолжит, разовьет свою мысль, но тот взглянул на карманные часы и поторопил поскорее закончить. Митя осторожно потрогал трубку, введенную в желудок, и впервые пожалел, что перед ним труп, а не на стоящий пациент: проверить правильность действий на неживом теле было возможно лишь визуально, и молчаливый страдалец никак не мог ни подтвердить, ни опровергнуть новый метод, которым намеревался щегольнуть Крупцев.

Всю Пасху со Страстной пятницы по воскресенье и весь понедельник Митя провел за книгами. Теория всегда давалась ему легко, но отсутствие практики пугало. Единственное, что успокаивало, – это надежда на то, что, как только он возьмется за скальпель, рука сама будет знать, что делать. Митя вспоминал свои хирургические экзерсисы на рыжем мертвце и пытался поймать ту волну вдохновения, которая захватила его в анатомичке. Он закрывал глаза, представлял холодные белые стены операционного блока академической больницы, куда ходили всем курсом, блеск инструментов, разложенных на тканевой салфетке, медовое стекло склянок всех мыслимых размеров, запахи камфоры, фенола, хлорки. И чувствовал небывалый подъем, какой не спутаешь ни с чем. Пальцы принимались гладить воз-

дух, взлетали и невесомо опускались на развернутую книгу, перебирая, точно струны, строчки и абзацы: так, возможно, репетирует сюиты музыкант, когда инструмента нет рядом. Библиотекарь Академии, наблюдавший за ним, по-отечески улыбался и даже принес ему однажды чай.

Когда же Митя думал о том, что на операционном столе во вторник будет живой пациент, а не покойник, его начинало мутить.

В понедельник вечером вернулся из Каменки Белкин – и тут же послал мальчишку-рассыльного на квартиру к Мите сообщить, что в рюмочной на Сергиевской собирается их студенческая компания, будет весело и пьяно. Невозможность обсудить предстоящую операцию с Жаном душила Митю – и в то же время подогревала: для успеха затеи, думал он, обязательно надо пожертвовать удовольствием. Эту примету суеверно лелеял Сашка Эльсен, убежденный, что за все надо платить равнозначной монетой. Рассыльный убежал в рюмочную с Митиным категоричным «нет» и вскоре вернулся со сложенным вдвое листком. Развернув его, Митя увидел рисунок белки со скошенными к носу круглыми глазками, крутящей пальцем лапки у виска, и подписью почерком Белкина «Солодов, ты тупица».

Митя улыбнулся, спрятал рисунок и вновь нырнул в учебники.

Утро вторника выдалось солнечным, апрельский воздух прогрелся, и настоящая весна намеревалась вот-вот брызнуть во всем своем великолепии. Митя вышел из дома задолго до назначенного часа, прошелся до Пантелеймоновского моста, оттуда, с Фонтанки, к Неве. Мальчишки в красных рубахах, продающие пирожки, кухарки, спешащие на рынок, кучера-бородачи, будочники, разносчики газет, приказчики, студенты в синих, зеленых и черных сюртуках, мастеровые и просто прохожие – Мите чудилось, что весь петербургский люд вышел на улицу и движется ему навстречу густой слоистой массой, а сам он, единственный в городе, идет навстречу потоку, то и дело уворачиваясь от лотков, корзин, ящиков и тюков. Он вновь приказал себе не думать о Елене, но не думать не смог. Тогда, подойдя к Неве, Митя громко крикнул воде: «Сегодня я излечусь!» – и, сжав кулаки, загадал: операция станет точкой в его сердечных муках. Знакомый психиатр рассказывал ему, что очень сильное эмоциональное событие способно перекрыть душевную боль, переключить внимание, – это уже давно доказано.

«Сегодня. Точно сегодня. Я решил, – бубнил себе под нос Митя, направляясь к Литейному мосту. – Сегодня она уйдет из меня!»

И с каким-то необыкновенным спокойствием подумал, что подменная операция больше всего и нужна ему для того, чтобы переродиться, стать кем-то другим – не полноценным хирургом, конечно, до этого еще далеко, но кем-то живым без Елены, свободным, новым. Как если бы можно было именно сегодня перевернуть самую сложную жизненную страницу, ведь он так надолго застрял на ее бумажном ребре: ни туда, ни сюда.

Выпив крепкого кофе в булочной на шумной в этот солнечный день Боткинской улице, Митя уверенной походкой зашагал к воротам Академии.

Крупцев стоял в коридоре перед лекторием, окруженный студентами старших курсов. Митя чуть заметно кивнул ему, и профессор ответил одними глазами, чуть прикрыв ресницы. Потом оставил собеседников и не спеша пошел к кабинету. Подойдя к Мите, он похлопал его по плечу:

– Ну что, Дмитрий Валентинович? Надеюсь, вы хоть немного спали сегодня? Как ваши нервы?

«Да он не боится ничего», – с удивлением подумал Митя и осторожно осмотрелся по сторонам.

Заметив это, Крупцев расхохотался:

– Полноте, что вы как мешком ударенный. Держитесь естественней!

Он кивнул с улыбкой в ответ на поклон одного из преподавателей, шедшего мимо по коридору, и чуть слышно произнес:

– Операция будет на кафедре. Время то же.

– Не в анатомичке? – переспросил Митя.

– Нет. Живой ведь пациент. И останется жив. – Крупцев сощурил глаза. – Я очень на это надеюсь.

И, заговорщицки подмигнув Мите, он направился в лекторий, отбивая тростью ритм и снова обрстая студентами, как кашалот планктоном.

Несколько утренних лекций показались Мите мучительными и бесконечными. Он совсем не вникал в материал и был не в силах переключить мысли о предстоящей операции на что-либо другое. Белкин сидел сонный, угрюмо-молчаливый и с похмелья, что, в общем-то, хорошо, потому что разговора с ним даже о ерунде Митя совсем не хотел.

За час до назначенного времени он, как было оговорено с Крупцевым, пришел в один из кабинетов, примыкающих к кафедре. Через боковую дверь проглядывала воронка амфитеатра со стульями,

на которых, как в опере, уже лежали отпечатанные на машинке листы с кратким описанием предстоящего действия. Сама кафедра была в два раза больше, чем анатомический театр. Митя подумал, что не живой пациент оказался причиной переноса операции в этот огромный зал, ведь никто из медиков суеверием не страдал, а именно амбиции профессора: больше зрителей, больше аплодисментов.

Вошла Цецилия, ассистентка Крупцева, сухо улыбнулась ему краешком рта и показала глазами на хирургический халат и висящую на вешалке телогрейку.

– Так рано ж вроде, – вместо приветствия буркнул Митя.

Цецилия не ответила. Митя сел на стул и принялся наблюдать за тем, как толково и уверенно девушка раскладывает инструменты на маленьком выкатном столике и накрывает их стерильной простыней. Даже со спины она была хороша, изящна, а в белом халате, завязанном тремя тесемками сзади по гибкому позвоночнику, напоминала мраморную статую. Еще на первом семестре Митя услышал от сокурсников, что ухлестывать за ней бесполезно: мол, холодна, как мороженная стерлядь, и даже у Белкина с ней ничего не получилось. Когда Цецилия обернулась, Митя спросил: – А кто пациент?

– Не знаю. – Она равнодушно повела плечом. – Петр Архипович договорился заранее, что подадут того, кто будет на нашу дату более готов и менее хлопотен в деле.

«Подадут». Митя отвернулся. Как блюдо в кабаке. Пациента готовят и подают...

Все меньше ему хотелось участвовать в подмене. Но слово он дал, да и деньги уже почти потратил, раздав долги, так что пути назад не было. Митя поискал глазами иконку, какие обычно стояли в операционных, и, не найдя ее, достал ладанку, память от бабушки. Цецилия лукаво сощурилась:

– Волнуетесь?

– Вовсе нет, – соврал Митя.

Про гастростомию он к этому моменту прочитал все, что смог достать в библиотеке и что дал ему профессор. С закрытыми глазами сотни раз Митя проходил все стадии операции, мысленно делал надрезы, раздвигал мышечную фасцию, ставил зажимы. Но вот сейчас на него начинал наваливаться какой-то душный страх, что он непременно забудет важное, перепутает или сделает фатальную ошибку.

Чтобы унять маету, Митя принялся разминать пальцы. Успокаивало лишь одно – он знал это наверняка: как только скальпель окажется в руке, голова тотчас переключится, а нервозность исчезнет, будто и не было.

На кафедре постепенно собирались люди. Глядя в щель чуть приоткрытой двери, Митя наблюдал, как зрители выбирают места, будто в театре, и среди них были персоны, известные петербургскому медицинскому сообществу. Когда зал заполнился, вышел декан хирургического факультета и произнес пафосную речь. А всего лишь надо было, чтоб он представил профессора, хотя и это было сейчас лишним: те, кто пришел смотреть операцию, уж точно знали и самого Крупцева, и все его заслуги.

«Прощальная гастроль профессора», – усмехнулся про себя Митя.

После декана вышел Крупцев, и зал громыхнул аплодисментами. Говорил профессор громко и четко, рассказывал о гастростомии, о методах немецких и французских коллег, намеренно уходя от щекотливой темы непринятия подобных операций некоторыми русскими медиками. «Мракобесы», – мысленно подсказывал Митя Крупцеву, но тот был предельно тактичен.

– Пора, Дмитрий, – тихо сказала Цецилия. – Скоро ваш выход.

Цецилия помогла завязать халат поверх телогрейки, поправила ему шапочку, надела на него марлевую повязку, резиновые перчатки и очки. Диоптрии были совсем слабыми, но Митя вдруг увидел предметы невероятно четкими. Он взглянул в свое отражение в стекле шкафа и отметил, что даже родная мать не смогла бы с точностью сказать, сын ли перед ней либо кто другой.

Он снова выглянул в зал: Цецилия была уже рядом с профессором, хлопотала у каталки с пациентом. Крупцев взял поданный ему лист и громко огласил:

– Мужчина. Тридцать два года. Выпита уксусная эссенция. По ошибке, вместо воды, или, что вероятней, суицидальная попытка. Сильнейший ожог пищевода, непроходимость...

Митя слушал и пытался представить себе, каковы были последние минуты у этого человека перед первым глотком. Конечно, суицид, никакая не вода. Но почему?

«Менее хлопотен в деле», – вспомнил он слова Цецилии. Значит, сердце должно быть крепкое, здоровый организм. Только пищевод сожжен, и то, хотелось бы верить, не полностью...

Митю вдруг охватил невероятный порыв. Ни деньги, ни грозящее отчисление, ни слово, данное профессору, – ничто не имело теперь для него значимости. Он сделает операцию, сделает – ради этого человека, лежащего сейчас на столе, и ради себя самого!

– Операция продлится не более получаса, господа. Комментарии я дам после, – сказал публике профессор и направился к комнате, где ждал Митя.

Ассистентка тем временем поправила на пациенте маску и сверху начала осторожно капать эфир из флакона.

Крупцев вошел в комнату, и Митя сразу вскочил, чтобы выйти в зал.

– Да погодите вы! – зашипел Крупцев. – Я же должен переодеться.

Вошла Цецилия. Минуту они просидели, не говоря не слова. Потом профессор театрально махнул рукой, и Митя с ассистенткой, под аплодисменты публики, прошли к операционному столу.

Пациент лежал не шелохнувшись. Цецилия приподняла пальцем его верхнее веко – проверить, подействовал ли эфир, – и, убедившись, что подействовал, кивнула Мите.

«Глаза у него водянисто-голубые», – мелькнула мысль, но Митя тут же прогнал ее. Все будет хорошо! ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО! Сегодня примета – не срывается!

Работа шла споро. Сделав разрез и пройдя подкожную клетчатку, Митя раздвинул мышцы, затем сальник и закрепил зажимы. На это ушло несколько минут. Теперь надо было найти место без сосудов на стенке желудка, прорезать аккуратную дырку и вставить трубку.

Цецилия стояла у головы пациента, как изваяние, и ее ледяное присутствие очень мешало Мите, хотя он и понимал, что без ловкой ассистентки не обойтись. Над операционным столом были подвешены два увеличительных зеркала. Об этом, он знал, заранее был уговор профессора с кафедрой, чтобы присутствующие могли наблюдать все действия в отражении и не подходили близко к столу.

В зале стояла почти безупречная тишина, прерывали ее лишь металлический говор инструментов и тихий скрип резиновых перчаток. Осторожно, как фокусник во время сеанса, Митя поглядывал поверх очков на зрителей. Среди них он увидел барона Сашку, сидевшего в последнем ряду. Ему что-то шептал на ухо сосед, которого

Митя тоже узнал, – это был один из эльсеновских стипендиатов, окончивший Академию год назад с «золотым шрифтом» и получивший хорошее место в больнице Святого Георгия. Митя с досадой подумал, что барон Эльсен, не упускавший случая пожурить его, Митю, за нерадивость и лень, никогда не узнает о тайне лукавой хирургии.

Пациент вдруг дернул головой, закашлял.

– Эфир! – свистящим шепотом выдохнул Митя.

Ассистентка схватила флакон и прыснула на маску. Собралась вылить еще, но Митя локтем чуть оттолкнул ее руку: не хватало, чтобы была передозировка. Цецилия замерла, сжав флакон.

Пациент не шевелился. Цецилия снова проверила зрачки, потом осторожно приподняла маску...

И Митя застыл, будто вмиг окаменел...

...Это был точно он.

Спутать можно было кого угодно, только не его!

Мите стало нестерпимо жарко в телогрейке под халатом. Он почувствовал, как капли пота катятся на марлевую повязку, и, оцепенев, все смотрел, смотрел на лицо пациента, на прикрытые глаза и сероватый бледный лоб, а опомнился, только когда Цецилия тампоном промокнула лоб и зашипела в самое ухо:

– Что медлите? Эфир уйдет! Убить его захотели?!

Митя сжал скальпель и вздрогнул от яркой вспышки фотографа, примостившегося в углу зала. Черт бы побрал этих газетчиков! Он зло зыркнул на фотографа – и тот поспешил удалиться со своей треногой к дальней стене кафедры.

Митя снова принялся за работу...

Сомнений не было. Перед ним на операционном столе, с вывороченными на обозрение публики внутренностями, увеличенными втрое зеркалами, беззащитный в руках своего хирурга, лежал он, голубоглазый поэт Чесноков, смерти которого так невольно, так часто и так не по-христиански вождельно сладко последние несколько месяцев желал Митя Солодов. Незаметный студент-медик, о существовании которого, скорее всего, поэт даже не подозревал.

Митя смотрел на его разрезанную плоть – и невольно думал о том, что это тело, этот мешок с человеческой паршивой требухой, *вот это все* любит его красавица Елена. Или... Не любит?

Он взял пинцетом кривую иглу со змейкой плотной кетгутовой нити, заранее вымоченной Цецилией в растворе карболовой кислоты, и принялся механически зашивать желудок, плотно прижав трубку к разрезу. Руки двигались быстро,

но он вдруг остановился, замер. Глотнул воздух со всей силы, почти всосав ртом повязку...

В области привратника* было какое-то уплотнение. Митя приподнял желудок – и увидел маленькую дырочку, размером с мелкую бусину, из которой тонкой ниткой сочилась кровь. Так, вероятно, работница, штопая бумазейную блузу, замечает, что дешевая ткань расползается над заплатой в новом месте.

Для Чеснокова ситуация была наихудшая. Язва, изъевшая желудок, да еще по дурости сожженный пищевод не оставляли никаких шансов. Какой теперь смысл в этой гастростомии, если время жизни для него – всего лишь несколько дней? Возможно, в беднягу даже не успеют влить питательный раствор через эту чертову трубку, конец которой Митя держал в руке. Он закрепил ее еще одним зажимом и осторожно прощупал стенку, сожалея, что резина перчатки толстовата. Картина была теперь кристально ясна.

Цецилия тихо спросила:

– Что случилось?

– У него прободная язва, – шепотом ответил Митя.

– Ну и что?

– Если не ушить язву, он умрет.

– Вы здесь для гастростомии. Вот и делайте ее. –

Цецилия полоснула по Мите гранитно-серыми глазами. – Заканчивайте шов. У вас десять минут. Еще одну дозу эфира он может не вынести.

– Пульс! – чуть громче, чем следовало бы, сказал Митя, и в первых рядах зала тут же зашептались.

Цецилия померила пульс пациента: тот был высокий, кожа влажная, и, как показалось Мите, из гортани вылетал какой-то хрип. Времени и правда было в обрез.

– Что-то происходит, что мы не знаем? – спросил один из врачей.

– Профессор во время операции комментариев не дает, – громко сообщила Цецилия и, повернувшись к Мите, шепнула: – Штопайте его скорее.

– Он не выживет, если я сейчас не закрою язву.

– Если надо будет, ему сделают вторую операцию!

– Плохая переносимость эфира. И общее тяжелое состояние...

– Господин Солодов, делайте то, о чем уговорено и за что вам заплатили!

Митя вытер рукавом пот, взглянул на зал. Публика сидела в полнейшей тишине. Митя предста-

* Часть желудка, через которую проходит переваренная пища прежде, чем попасть в двенадцатиперстную кишку.

вил, как – наверняка – прильнул к дверной щели Крупцев.

- Я буду ушивать язву.
- Вы не можете!..
- Могу! – почти выкрикнул он.

Зал вздрогнул, зашевелился. Митя закончил шов у трубки и поставил зажимы у краев язвы. Оставалось выудить из памяти, что было сказано об этом в учебниках. Но Митя не мог вспомнить, как ни старался. Он действовал интуитивно, и будто кто подсказывал ему, что делать в следующую секунду. Кто-то сверху, кто благоволил ему и не желал промаха.

Мысли, что он «вытаскивает» Чеснокова – того самого Чеснокова, которого он тысячу раз «убивал» в голове! – куда-то ушли, осталась лишь чистая магия хирургии. Сейчас этот Чесноков стал главным в Митиной жизни, и все, чего он, Митя, хотел – чтобы не дрогнула рука, чтобы все было сделано верно и чтобы этот чертов поэт выжил. Выжил вопреки всем демонам – и его, и Митиным.

Из первого ряда привстал человек, и Митя, краем глаза взглянув на него, узнал профессора Веденичева.

- Господа, Петр Архипович ушивает язву! – Он не отрываясь смотрел вверх, на большое зеркало. – Bravo, профессор!

Аудитория зашелестела аплодисментами.

Пот тек на очки, но Митя не замечал ничего, кроме своего пациента; лишь чувствовал, как Цецилия тампоном промокает его лоб.

- Скажете хоть слово – разоблачу к дьяволу и вас, и вашего хозяина! – зло процедил Митя, но Цецилия пожала плечами и тихо ответила:

- Делайте что хотите. Мне все равно.

Финальную часть операции она оставалась послушной феей, предугадывала Митины движения и желания за секунды до их возникновения, была ловка и быстра, и у него даже сложилось впечатление, что Цецилия сама могла бы стать неплохим хирургом – во всяком случае, несколько раз она невольно подсказывала ему следующий шаг.

Сделав шов и подтянув на стенке язвы нить, как на кисете, Митя выпрямился и тяжело выдохнул. Пациент вдруг дернул головой – и Цецилия схватилась за флакон с эфиром. Митя показал ей пальцами: одну каплю. Это было рискованно: Чесноков мог вообще не проснуться. Его синие губы и слюноотделение, которые Митя заметил, когда Цецилия приподняла маску, говорили о том, что эфира больше капать нельзя и счет операции уже идет на секунды.

Он принялся быстро зашивать все слои. Когда же закрепил на коже последний узел, почувствовал такую усталость, что даже покачнулся и, боясь упасть, схватился рукой за стол. Зрители ахнули. Веденичев вскочил, но Цецилия жестом остановила его и, взяв Митю под руку, отвела в боковую комнату. Там он без сил упал на стул.

- Что ж, Дмитрий Валентинович, вы удивили меня, – тихо сказал Крупцев. – Но, видно, так захотел его ангел-хранитель.

Он кивнул в сторону зала и подал Мите кружку с водой.

- Я не мог дать ему умереть, – сказал Митя, жадно делая глоток.

- Ну-ну, не так пафосно, мой друг. – Профессор похлопал Митю по плечу. – После поговорим. Когда будет понятно, дали вы ему умереть или не дали.

Он открыл дверь и под шквал аплодисментов спустился к публике.

Когда в зале стихло, Митя осторожно выглянул за дверь: никого, только санитар Лавруша скребет щеткой пол. Слышались отдельные голоса из коридора, чей-то басовитый смех. Звуки показались Мите нереальными, из какой-то другой, не его жизни. И все, что сегодня произошло, казалось, произошло не с ним.

Он направился к выходу, но остановился в центре зала – там, где недавно стоял операционный стол, – и задрал голову вверх. Увеличительные зеркала еще не сняли, и Митя увидел в них три своих отражения – гигантских, пугающих. Бледное изможденное лицо, впавшие глаза, вид постаревшего и осунувшегося – чужого – человека. И взгляд – чужой. Взгляд не победителя, проделавшего безупречно две хирургические операции, – нет, это был взгляд маленького затравленного зверька, еще живого, но которого вот-вот пустят на шкурку.

Митя с силой потер кулаками глаза, чтобы прийти в себя, и быстрым шагом вышел из зала.

Он проходил знакомыми коридорами – и не узнавал их. Темное дерево длинных книжных стеллажей и извечно белый цвет медицинской кафедры слились для Мити в один желтоватый оттенок – такой, каким плыл сейчас перед глазами чесноковский вспоротый желудок.

У самого выхода Митя остановился, увидев, как у входной двери сполохом мелькнул подол знакомого английского пальто.

– А, Дмитрий Валентинович? – Крупцев придержал дверь. – Я ждал вас в кабинете. Где это вы отсиживались?

Яркое солнце ударило Мите в глаза, ослепило; голова закружилась. Он сделал шаг и прислонился спиной к толстой колонне портика у входа. Ему совсем не хотелось сейчас разговаривать. Он развел руками и открыл было рот, чтобы извиниться и – якобы забыл что-то – вернуться, сбежать от профессора, – но тут услышал со стороны улицы голос, который он помнил до височных судорог.

Ее голос.

Митя мгновенно слился с колонной.

– Петр Архипович. – В голосе были хриплые слезы. – Я... я не знаю, как благодарить вас! Молиться за вас всю жизнь буду...

– Кто же вы, мадемуазель? – Крупцев выпрямил спину, приосанился и галантно подал ей руку, чтобы она поднялась на последнюю ступеньку крыльца.

Из-за колонны Митя увидел ее бледный профиль камеи, и тонкую шею в черном кружеве шали, и руку в перчатке, комкающую влажный платок.

– Я жена вашего сегодняшнего пациента.

Голос Елены дрогнул, и она тихонько кашлянула в платок.

– Ну же, голубушка, все хорошо, – театрально-басовито произнес Крупцев, – операция прошла удачно.

– Да! – Она вдруг схватила его руку и жарко поцеловала.

Крупцев смутился и осторожно, как карманник, посмотрел по сторонам.

– Я говорила с вашей ассистенткой, Цецилией. Она рассказала, что помимо вывода этой трубки из желудка вы зашили язву. Что без этой операции у него бы точно не осталось шансов. Он ведь будет жить, профессор?

– Было сделано все возможное! – Крупцев мельком взглянул на Митину тень у колонны. – Силой науки и божьей милостью...

– Вы понимаете, это из-за меня! Из-за меня он выпил уксусную эссенцию! Хотел покончить с собой. Любит меня, как никто никогда не любил! Не знал, что я, что я... Ничего не знал...

Митя слушал, как бьется его собственное сердце, с силой вжимаясь в колонну. Ее никто так не любил! Никто!

– Я никогда не прощу себе этого! – Она разрыдалась, и Крупцев по-отечески приобнял ее за плечи. – И никогда, никогда не оставлю его!

– Все будет хорошо... Не знаю вашего имени...

– Елена Николаевна.

– Ступайте домой, Елена Николаевна. Ваш разлюбленный муж уже перенаправлен в академическую больницу. Послеоперационный уход там на высоте. Но вас не пустят к нему, нет. Не сегодня. И не завтра. Ну же, слезы лишние. Все позади!

Митя увидел, как трясется рука Крупцева, которой он гладил Елену по плечу.

– Послезавтра, послезавтра, голубушка, приходите навестить своего благоверного. Я распряжусь, чтобы вас пустили.

– Он будет жить? – Неожиданно для Крупцева она упала на колени, и он засуетился, взмахнул рукавами, как птица, затрепетал пальцами, схватил ее за подмышки и неуклюже начал поднимать.

Митя впервые видел Елену такой – невероятно хрупкой, человеческой, ранимой. *Живой*. Будто все и не знал ее никогда.

Митя оторвался от колонны и, не оглядываясь, поспешил от Академии прочь.

На набережной он лег животом на гранитный парапет и в который раз за эту безумную весну пристально вгляделся в свинцовую чешую Невы.

Елена выходила из сердца толчками, упиралась, но Митя вдруг подумал: *она любит*.

Она, не способная любить никого, как казалось ему когда-то, – любит.

Любит не его, а другого человека. Не лучше и не хуже Мити, просто – другого. Нелепого, чудаковатого, совсем, казалось бы, не в Еленином вкусе... А вот поди ж, на колени ради него...

– Уйди! – крикнул он Елене в самую невскую черноту.

И впервые ему показалось, что – отпустило, притихло у него внутри. Как если подушкой накрыть и придавить. Рванный крик в подреберье потонул, убитый на самом излете. Митя хлопнул себя ладонью по груди – будто пыль выбил из этой подушки – и, резко развернувшись, направился к академической больнице.

К Чеснокову его не пустили – мало ли, студент какой безымянный, – и Митя пристроился в приемном покое, свернулся калачиком на покрытой грубой прорезиненной клеенкой смотровой кушетке, накрылся форменной шинелью, и выгнать его было не под силу даже дюжим санитарам.

Он проспал до утра, и первое, о чем спросил сестру милосердия, когда проснулся, – жив ли паци-

ент Чесноков. И, удостоверившись, что жив, снова упал в прогорклый, как фонарное масло, сон.

Санитары было пожаловались приставу, но, на Митино счастье, его узнал дежуривший врач. Он помнил любознательного студента, которого год назад было не выгнать из больницы, – забавный маленький прилежный студентик, он и судна сам выносил за больными, и перевязки делал, и диагноз точный поставить мог, не хуже любого доктора. На таких, подумалось ему тогда, и держится русская медицина. Врач велел выделить Мите койку в комнате, где отдыхали хирурги, и нянечкам наказал насильно покормить его.

Когда же ядовитый сон отпустил, Митя поднялся в палату, многолюдную и постанывающую. Чесноков лежал бледный, но глаза, эти водянисто-голубые глаза, горели на худом лице и казались нездешними, нарисованными на охровом листе. На прикроватной тумбочке стояли чашка с ложкой, какие-то медицинские бутылочки, иконка. Митя узнал чашку: из сервиза Елены, та самая, с дачи в Мартышкино, с двумя красными птичками на боку.

Он сухо поздоровался, отбросил край худенького одеяла и, сняв слои марлевой повязки, осмотрел торчащую из бока Чеснокова трубку. Шов был гладкий, не нарывал, не гноился.

– Простите, – тихо спросил Чесноков. – Вы... Вы новый доктор?

Митя молча кивнул. Потом взглянул на пузырьки на тумбочке, прочел их названия, взял маленький флакон, нахмурился:

– Лауданум только немного. На ночь. И не злоупотреблять без назначения. Ясно?

От этого громкого «ясно» Чесноков вздрогнул, моргнул, часто закивал.

– И вот еще. – Митя достал из кармана замусоленный карандаш, поискал глазами клочок бумаги и, не найдя, потянулся к салфетке. – Я напишу здесь. Пусть ваша... ваша жена непременно купит.

Чесноков снова кивнул и, намереваясь что-то спросить, приоткрыл было рот, но передумал.

– Выздоровливайте. Я распоряжусь, чтобы вам немедленно сделали перевязку. – Митя положил салфетку поверх чашки и вышел из палаты.

Забрав свой сюртук и фуражку из комнаты, где ночевал, он направился на улицу – и на выходе из больницы увидел Елену. Она тяжело поднималась из вестибюля по лестнице, придерживая подол юбки и опираясь о широкие мраморные перила.

Митя наблюдал за ней из узкого бокового коридора, ведущего в операционные. «В который раз, – подумалось ему, – прячусь и выглядываю: из-за книжного шкафа, полуприкрытой двери, колонны. Будто вор какой». Пола ее пальто колыхнулась сорочьим крылом, и Митя увидел чуть округлившийся маленький живот. Елена остановилась, выгнулась, подперев руками поясницу, постояла так несколько секунд и, отдышавшись, снова начала подниматься. Туда, где ждал ее такой несчастный и такой счастливый поэт Чесноков.

Когда она исчезла, Митя вышел из больницы и направился домой. В голове было пусто и на удивление свежо.

Разговаривать с Невой он в этот раз не стал.

Через четыре года, в беспокойный апрель 1917-го, академик Петр Архипович Крупцев, балансируя между жизнью и смертью в отдельной палате хирургического корпуса Императорской Военно-медицинской академии, мучительно медленно умирая от огромной и запущенной фибромы, сожравшей почти весь его желудок, отказался от предстоящей ему операции. Когда же прислали к нему «ходовков» от Академии, которые несколько часов кряду уговаривали светило медицины не покидать их и предоставить шанс науке и благодарной России спасти его, вдруг приподнялся с подушек и, чеканя каждую букву, произнес:

– Пусть это сделает доктор Солодов.

Дмитрия Валентиновича Солодова отыскиали не сразу, спустя двое суток, по подсказке доктора Белкина, в маленькой губернской больничке в Елизаветино, где он работал единственным хирургом.

Отстояв у операционного стола шесть часов почти без перерыва, а после проехав семьдесят пять верст в трящемся от бездорожья «паккарде», принадлежащем Академии, доктор Солодов, бывший маленький студент, провел сложнейшую операцию. Академик Крупцев после нее прожил еще семь счастливых лет.

